
"Это была не месть.
Это была милость."
СЛОМАННАЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР
Елена Филатова

Елена Филатова

Сломанная

«Автор»
2026

Филатова Е.

Сломанная / Е. Филатова — «Автор», 2026

Джеймс Харрисон никогда не хотел быть убийцей.В семь лет он просто хотел защитить соседскую девочку от пьяного отчима. В шестнадцать — признаться ей в любви. В двадцать семь — спасти её от саморазрушения.Но что происходит, когда попытка спасения превращается в одержимость? Когда хороший человек пересекает все моральные границы ради женщины, которая не может его полюбить?В захудалом баре незнакомец рассказывает журналисту историю, которая перевернёт все представления о любви. Историю о том, как детская травма программирует всю жизнь. О том, что граница между спасением и разрушением тоньше волоска. О том, что самые страшные монстры рождаются не из ненависти.А из искажённой любви."Существуют преступления страсти и преступления логики. Но есть и третий род — преступления любви. За них нет наказания."Предупреждение: содержит сцены домашнего насилия и психологического принуждения.

© Филатова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
ЧАСТЬ I 7
ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 9
ГЛАВА 3 11
ГЛАВА 4 13
ЧАСТЬ II 16
ГЛАВА 5 16
ПИСЬМО I 19
ГЛАВА 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Сломанная

«Есть преступления страсти и преступления расчёта. Наказание за них определяет закон. Но есть и третий род — преступления любви. За них наказания нет».
— Стэнли Уайлдер, Один выстрел (1988)

ПРОЛОГ

Выстрел прозвучал в 22:47, во вторник, в Сейлеме, штат Орегон.

Я узнал о нём на следующую ночь, в марте 1987 года, от незнакомца с ранней сединой, который рассказал мне историю. Больше двадцати лет я пытаюсь выкинуть её из головы.

Бар «Последняя миля» стоял на самом краю Силвертона, там, где асфальт переходит в гравий. Туда не ходили, чтобы показаться людям. Потолок терялся в табачном дыму, пахло мокрой шерстью и «Олд Кроу».

Бармен Рэй поставил мой обычный коктейль на стойку раньше, чем я сел. Я смотрел на завсегдатаев. Святая Мэри, как её звали местные, допивала третий стакан, смеялась над всем подряд и не убирала руку, которую покупатель леса пристроил у неё на груди. Старый Фрэнк спал в углу над тем же стаканом, который цедил с шести вечера.

За дальним столиком в одиночестве сидел молодой мужчина. На вид лет тридцать, а держался так, будто ему вдвое больше. Перед ним стояли три полных стакана виски. Он к ним не притронулся.

Я газетчик. Стэнли Уайлдер. Может, вы помните это имя по одному бестселлеру, из тех времён, когда мне ещё было что рассказать. В газете я с шестьдесят девятого и умел узнать человека, у которого есть история.

В кармане пальто у меня лежала открытка для дочери, Рэйчел. В пятницу ей исполнялось двадцать. Она не разговаривала со мной с четырнадцати лет.

— Тяжёлый день? — спросил я и пересел к нему.

Он поднял голову. Его глаза я не забыл до сих пор. Он посмотрел на меня так, как смотрят на часы, про которые уже решили, что они врут.

— День? — Он почти улыбнулся. — Это один день, который тянется тридцать два года.

Он говорил как человек, который зачитывает показания, написанные кем-то другим.

— Дайте угадаю, — предположил я. — Вы не местный. Приехали издалека. И что-то случилось. Что-то, от чего не убежишь.

Он отодвинулся от меня.

— Вы кто такой?

— Стэнли Уайлдер, местная газета. Но сегодня я просто человек, который видит: вам надо с кем-то поговорить.

Долгая пауза. Святая Мэри у стойки расхохоталась. Фрэнк что-то пробормотал сквозь сон.

— Джеймс, — сказал он наконец. — Джеймс Харрисон.

— И что занесло вас в наш богом забытый угол, Джеймс?

Он положил ладони на стол, чтобы они не дрожали.

— Я убил человека, — сказал он.

Я как раз подносил стакан ко рту. Поставил его обратно и пролил себе на руку.

— Что вы сказали?

Джеймс смотрел, как до меня доходит. Удивлённым он не выглядел.

— Вы серьёзно, — выдавил я. И поймал себя на том, что ищу глазами дверь. И телефон.

Таксофон висел в десяти метрах, у мужского туалета. Я думал о нём всю ночь. И так и не встал.

— Хотите услышать всю историю? — спросил он с горькой усмешкой. — Только предупреждаю: спать потом будете плохо.

Всё разумное во мне хотело встать и уйти домой. А та часть, что ещё оставалась репортёром, хотела слушать.

— Рассказывайте, — услышал я собственный голос.

Я потянулся за блокнотом, но Джеймс покачал головой.

— Не записывайте. Просто слушайте. То, что я сейчас расскажу… это не история для газеты. Это исповедь.

Он отпил виски. Первый глоток за весь вечер.

— Всё началось, когда мне было семь лет. Тогда я впервые увидел Бетти.

Я тогда ещё не знал, что можно поседеть от одного звука выстрела.

ЧАСТЬ I
ДЕТСТВО

«Я родом из детства, как из страны».
— Антуан де Сент-Экзюпери

ГЛАВА 1
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Кто-то бросил монету в музыкальный автомат. Дым стал гуще, и в этом полумраке я совсем не мог разобрать его лица.

— Бетти, — повторил он. — Элизабет Анна Коулман. Но все звали её Бетти.

Он смотрел куда-то поверх моей головы.

— Мне было семь, когда её семья переехала в дом напротив. Лето шестьдесят второго. Я помню каждую секунду того дня.

Июль 1962

Джеймс сидел на крыльце и смотрел, как у дома через дорогу паркуется жёлтый грузовик. В тени было тридцать семь. В кабине по радио пел Бобби Винтон, пока мужчина не заглушил мотор. Из кабины вылез огромный мужик с выцветшей армейской татуировкой на предплечье. За ним худая женщина в простом платье. Она всё крутила в пальцах ремешок сумочки.

А потом из кабины спрыгнула она.

Девочка его лет, с копной рыжих кудрей и россыпью веснушек на носу. Голубое платье было ей мало. Босые ноги шлёпнули по горячему асфальту, а она будто и не заметила.

Джеймс смотрел, как она помогает матери носить коробки. Быстро и осторожно. И прежде чем что-нибудь поднять, она сначала смотрела мужчине в лицо.

— Джеймс! Иди помоги соседям! — крикнула мать из кухни.

Отца дома не было. У него была мастерская по ремонту радио и телевизоров на Мэйн-стрит, лучше него в округе никто не чинил, и дома он почти не бывал.

Мальчик спрыгнул с крыльца и побежал к грузовику. Вблизи мужчина оказался ещё здоровее, чем издали. От него пахло пивом и сигаретами.

— Ну надо же, — хмыкнул мужчина, глядя на него сверху вниз. — Гляди-ка. Делегация от соседей.

— Привет, — сказал Джеймс девочке. — Я Джеймс. Я вон там живу.

Она посмотрела на него большими зелёными глазами. Потом взглянула на великана и только после этого ответила.

— Бетти, — тихо сказала она.

— Бетти! Хватит болтать, таскай коробки! — рявкнул мужик.

Девочка вздрогнула, будто её ударили. Джеймсу было семь, и у него не было слова для того, что он почувствовал. Он знал только, что хочет встать между ней и этим голосом.

Он взял самую тяжёлую коробку, какую мог поднять.

— Давайте я помогу.

До вечера они работали молча. Джеймс таскал коробки, а Бетти осторожно улыбалась ему всякий раз, когда отчим не смотрел.

К вечеру грузовик уехал, взрослые ушли в дом, и дети остались одни на полоске травы перед её домом.

— Спасибо, — сказала Бетти. Она прижимала к груди старую куклу с отломанной рукой.

— А что с твоей куклой? — спросил Джеймс.

— Рэнди сломал, — ответила она, не поднимая глаз. — Рэнди — это мой новый папа. Только он не настоящий.

— А где настоящий?

— Не знаю. Мама говорит, он уехал далеко-далеко и больше не вернётся.

Джеймс подумал секунду и побежал домой. Через минуту он вернулся с тюбиком отцовского клея «Дюко», который ему трогать не разрешалось.

— Дай сюда. Я умею чинить игрушки.

Следующие полчаса они просидели на траве, и Джеймс осторожно приклеивал кукле руку. Бетти смотрела на него с таким восторгом, будто он был фокусником.

«Держать надо дольше, чем хочется, — всегда говорил отец. — В этом весь секрет. Все отпускают слишком рано». И Джеймс держал. Досчитал до ста, а потом ещё раз до ста.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила она.

Джеймс пожал плечами. «Просто хочу», — сказал он.

Когда рука встала на место, Бетти прижала куклу к груди и улыбнулась — впервые за весь день. По-настоящему.

— Теперь она как новая, — объявил он.

— Нет, — возразила Бетти, разглядывая шов. — Она сломанная. Но красивая.

— Это был мой первый урок, — сказал Джеймс. — Сломанное можно починить, но шов от клея остаётся навсегда.

В баре было шумно. Святая Мэри опять хохотала, Старый Фрэнк бормотал про правительственные заговоры. От этого шума за нашим столиком становилось только тише.

— А что стало с куклой? — спросил я.

— Она держит её на полке у… — Он замолчал. — Держала.

Я это заметил. Он увидел, что я заметил, и ничего не стал объяснять.

— А что было дальше? — спросил я.

Джеймс отпил ещё глоток.

— Дальше я узнал, что она живёт в аду. И что вытащить её оттуда могу только я.

Он смотрел мимо меня, на огни за окном.

— Только тащить пришлось двадцать три года.

ГЛАВА 2
КЛЯТВА НА МИЗИНЦАХ

Три месяца спустя, октябрь 1962

Джеймс и Бетти подружились быстро, как это бывает в семь лет. Каждый день после школы они встречались под старым дубом на пустом угловом участке, который не принадлежал ни одному из домов.

Но даже в семь лет Джеймс понимал: с домом напротив что-то не так.

— Первый раз я услышал крики в сентябре, — сказал Джеймс. — Низкий, громкий голос Рэнди — и высокий голос матери Бетти. Она его умоляла. Потом звук удара. Потом тишина.

Джеймс выглянул в окно и увидел Бетти на крыльце. Она прижимала к себе починенную куклу и смотрела в никуда.

Он хотел выбежать к ней, но мать удержала его за плечо.

— Не лезь в чужие дела, Джеймс, — тихо сказала она.

— Но ей же страшно…

— Знаю, сынок. Но это не наше дело.

Здесь я хочу ненадолго остановиться. В семьдесят четвёртом я сказал почти те же слова — по телефону, сестре, про дом в Спокане, где моя дочь жила с матерью и человеком, за которого её мать вышла замуж. Я помню, что фраза кончалась словом «дело». Рэйчел было семь. Джеймсу я об этом не сказал. Говорю вам.

Джеймс посмотрел на отца. Тот сидел в кресле с раскрытой «Орегониан». Он сложил газету пополам, потом ещё раз пополам, ушёл на кухню, и Джеймс услышал, как там включилось радио.

— На следующий день у матери Бетти был синяк под глазом, — сказал Джеймс. — Она объясняла соседям, что упала с лестницы. Все делали вид, что верят.

Он покрутил стакан в руках.

— А Бетти стала ещё тише.

В ту же неделю Джеймс узнал про ребёнка. Он услышал это через вентиляционную решётку в полу своей комнаты: по ней кухня доходила до него, как по телефону. В апреле, в Рино, мать Бетти потеряла мальчика. Ему было одиннадцать дней. Поэтому они и переехали. Детская кроватка, которую сняли с грузовика, так и стояла у них в передней комнате, застеленная. «Это не наше дело», — сказал отец, и Джеймс опять услышал газету.

— Почему твоя мама всё время падает с лестницы? — спросил Джеймс однажды, когда они сидели под дубом на угловом участке. В тот месяц шторм на День Колумба снёс дубу верхушку, но их ветка уцелела.

Бетти долго молчала и рвала травинку на мелкие кусочки.

— Мама говорит, что Рэнди нас любит, — проговорила она наконец. — Просто не умеет показывать любовь правильно. Он был на войне, и там его научили злиться.

— А ты веришь?

Бетти пожала плечами.

— Мама говорит, все мужчины такие. Сначала добрые, потом становятся злыми. А женщины должны терпеть, потому что иначе их никто не будет любить.

— Я никогда не буду злым, — серьёзно сказал он.

Бетти посмотрела на него. Лицо у неё было грустное, и эта грусть была намного старше семи лет.

— Ты ещё маленький. Вырастешь — тоже станешь злым.

— Нет! — Джеймс сказал это так громко, что Бетти вздрогнула. — Прости. Я просто… Я никогда тебя не обижу. Обещаю.

Он протянул ей мизинец.

Бетти смотрела на его палец так долго, что он начал чувствовать себя дураком. Потом зацепила его своим мизинцем.

— Обещаешь? — прошептала она.

— Обещаю.

— Это было первое обещание, которое я дал Бетти, — усмехнулся Джеймс. — Но не последнее.

Крики из дома напротив стали обычным делом. Иногда они длились часами. Иногда кончались звоном посуды или хлопаньем дверей.

В том октябре президент выступал по телевизору насчёт Кубы, и отец Джеймса всю неделю не выключал телевизор. Когда через дорогу начинались крики, отец молча протягивал руку и делал погромче.

По голосу Бетти наутро Джеймс научился угадывать, какая была ночь. Если она говорила как обычно, значит, обошлось. Если шёпотом, значит, досталось матери.

А если Бетти совсем не выходила во двор, значит, досталось ей самой.

В такие дни Джеймс бросал камешки ей в окно, пока она не выглядывала. Он махал ей и показывал фокусы прямо во дворе, пока она не начинала смеяться за стеклом, где никто её не слышал.

— Знаете, что хуже всего? — сказал Джеймс. — Я был счастлив. Смотреть на это было больно. Но я был кому-то нужен. Я был её героем, её защитником. В семь лет это было лучше виски. Я привык быть тем, кто её спасает. А потом уже не знал, как быть кем-то другим.

Старый Фрэнк что-то пробормотал в углу и отхлебнул из стакана.

ГЛАВА 3
БОЛЬШАЯ ДЕВОЧКА

Весна 1967

К двенадцати годам их уже не видели порознь. В школу вместе, уроки вместе, каждая свободная минута вместе.

Джеймс вырос серьёзным мальчиком: читал больше сверстников и всегда заступался за тех, кто поменьше. Учителя его любили. Мальчишки его не трогали.

Бетти становилась тихой. Она хорошела. Рыжие кудри стали гуще, а глаза ещё зеленее. А ещё она научилась сначала оглядывать комнату, а потом уже в неё входить.

За эти пять лет в доме Бетти ничего не стало лучше, только хуже. Рэнди пил больше, работу терял чаще, и злость его становилась всё страшнее.

Кроватки в передней комнате больше не было. Никто не видел, когда её убрали.

— В апреле кое-что случилось, — сказал Джеймс. — Я проснулся среди ночи от странного звука.

Он замолчал и сжал кулаки.

— Сначала подумал, что это кошки дерутся во дворе. Потом понял, что звук идёт из дома Бетти.

Это был плач. Не такой, какой он знал по школьному двору. Ниже, ровнее, и он не прерывался, чтобы набрать воздуха.

Джеймс выглянул в окно. Через дорогу горел свет, и в нём двигались тени. Рэнди стоял над кем-то, кто согнулся на кровати. Тень была слишком маленькая для Кэрол, матери Бетти.

Бетти.

Не раздумывая, он выскользнул из дома через заднюю дверь. Подкрался к окну Бетти и заглянул внутрь.

Рэнди, пьяный, покачиваясь, стоял над кроватью Бетти. Ночная рубашка на ней была порвана, она тряслась от рыданий.

— Тихо, малышка, — бормотал Рэнди. — Папочка просто хочет научить тебя быть большой девочкой…

Джеймс увидел, как огромная рука тянется к ребёнку.

— Я даже не помню, как оказался в доме, — продолжал Джеймс. — Помню только, что влетел в дверь спальни со всего разбегу и что-то кричал, сам не знаю что.

Рэнди обернулся, моргая пьяными глазами.

— Какого чёрта…

Джеймс схватил первое, что попалось под руку, — тяжёлую настольную лампу. Когда он замахнулся, шнур вырвался из розетки, и лампа пришлась Рэнди сбоку по голове.

Рэнди пошатнулся, но не упал. На секунду он стал почти трезвым.

— Ах ты, щенок… — прорычал он и повернулся к Джеймсу.

— Беги, Бетти! — крикнул мальчик.

Но Бетти не могла пошевелиться. Она лежала, свернувшись в комок, и её всю трясло.

Рэнди схватил Джеймса за горло. Руки у него были огромные, сильные. Воздуха не стало.

— Сейчас я тебя научу не совать нос куда не просят, — прошипел Рэнди.

На шум в комнату вбежала Кэрол.

— Рэнди! Что ты делаешь? Отпусти мальчика!

— Этот щенок на меня напал!

— Он защищал Бетти! — закричала Кэрол, и в этот раз не шёпотом. — Ты обещал, что не тронешь детей! Ты клялся на ребёнке!

Пальцы на горле Джеймса разжались. Рэнди посмотрел на жену, потом на Бетти, потом на мальчика.

— Да пошли вы все, — буркнул он и отпустил Джеймса.

— Я упал на пол и хватал ртом воздух, — рассказывал Джеймс. — Рэнди прошёл мимо нас, шатаясь, и скрылся в коридоре. Через секунду хлопнула входная дверь.

Кэрол бросилась к дочери, обняла её и закутала в одеяло.

— Всё хорошо, малышка. Всё хорошо. Больше этого не будет.

Но Джеймс видел её глаза. И понимал, что она врёт. Что это повторится. Что Рэнди вернётся утром, попросит прощения, и всё пойдёт как раньше.

Только теперь у Рэнди будет ещё одна причина его ненавидеть.

— Джеймс, — слабо позвала Бетти.

Он подошёл к кровати и взял её за руку. Рука была ледяная.

— Спасибо, — прошептала она.

— Я же обещал тебя защищать.

— Теперь он и на тебя будет злиться. Он долго злится.

— Пусть.

Бетти посмотрела на него так, как не смотрела никогда раньше.

— Ты разбил мамину лампу, — сказала она.

Кэрол сама проводила его до входной двери и стояла на крыльце, пока он не перешёл улицу. Задняя дверь его дома так и была открыта. В его доме никто не проснулся.

Утром у Джеймса на шее было четыре синих пятна слева и одно справа. Мать увидела их за завтраком и поставила кофейник. Он сказал, что упал с дуба. Больше она ничего не спросила. Она подошла к креслу отца и сказала что-то так тихо, что Джеймс не расслышал.

Отец надел куртку. Он перешёл улицу, поднялся на крыльцо Рэнди, Рэнди вышел к двери, и они говорили минуты две, не больше. Отец не повышал голоса и не вынимал рук из карманов. Потом вернулся, повесил куртку, сел и раскрыл газету. Джеймс так и не узнал, что было сказано.

— После той ночи между нами всё стало по-другому, — сказал Джеймс. — Как балка становится другой, когда на неё ложится нагрузка. Я больше не был мальчишкой из дома напротив. Я был тем, кто вошёл в дверь. В ту ночь я думал, что спас её. А погубил нас обоих.

— Почему? — спросил я.

— Потому что с той ночи Бетти поверила, что мужчины бывают двух видов. Одни делают тебе больно, другие не дают тебя в обиду. Она не понимала, что иногда это один и тот же человек.

ГЛАВА 4
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Лето 1971

Джеймсу было шестнадцать. Он стоял перед зеркалом у себя в комнате и ещё раз поправлял волосы. Он решил, что сегодня скажет Бетти, что любит её.

После той ночи многое изменилось. Рэнди по-прежнему пил и по-прежнему всё ломал, но к Бетти больше не лез. Может, потому, что она была уже не ребёнок и могла дать сдачи. А может, потому, что Джеймс не переставал следить за домом напротив.

Она выросла. Рыжие волосы теперь спускались ниже плеч, и мальчишки в школе оборачивались, когда она шла по коридору.

Бетти будто их не замечала. Каждую свободную минуту она по-прежнему проводила с Джеймсом — в парке или под старым дубом с книжкой, и всё говорила, куда уедет, когда выберется из Сазерлина.

— Как только мне исполнится восемнадцать, уеду, — говорила она, глядя на закат. — В большой город. Стану кем-нибудь.

— А я? — спрашивал Джеймс.

— А ты со мной, балда. — Как будто это само собой разумелось. — Мы же команда.

Команда. Джеймсу хотелось услышать другое слово.

За две недели до праздника Джеймс сидел на дубе, когда Рэнди остановил Бетти на тротуаре перед их домом. Было слишком далеко, чтобы расслышать. Рэнди сказал что-то короткое и сказал почти ласково. Потом протянул руку и тронул её волосы.

Бетти не отшатнулась. И не ответила. Она стояла, пока он не ушёл в дом, а потом постояла ещё.

Джеймс так и не спросил её, что он сказал. Потом жалел, что не спросил.

— Я сказал ей в июле, на летнем празднике. Тёплый вечер, оркестр, бумажные фонарики на деревьях. Я готовился целый месяц.

Они сидели на скамейке в парке и смотрели, как танцуют пары. На Бетти было белое летнее платье.

— Бетти, — сказал Джеймс. — Мне надо тебе кое-что сказать.

Она повернулась к нему и ждала. Лицо у неё было доброе, и этого хватило, чтобы он решился.

— Я тебя люблю, — выпалил он. — Не как друга. Я влюблён в тебя уже много лет. Ты самая красивая, самая умная, самая…

— Джеймс, — тихо сказала она. — Не надо.

Он замолчал. Она больше не улыбалась.

— Я тоже тебя люблю, — сказала она. — Но не так.

— Почему?

Бетти снова посмотрела на танцующих.

— Потому что ты хороший. Слишком хороший для меня.

— Это не причина.

— Это как раз причина. — Голос у неё стал выше. — Ты не понимаешь. Я сломанная. После всего этого… я не могу любить хороших. На меня это не действует.

Он ждал. Она долго молчала.

— Знаешь, что самое дикое? Когда Рэнди бил маму или орал на меня, я его ненавидела. А на следующий день он приходил с цветами, плакал, обещал, что изменится… и я чувствовала что-то вроде любви. Вот прямо тогда.

Джеймс ничего не сказал.

— Мама говорит, настоящая любовь — это когда больно. Если не больно, значит, это не любовь, а привычка. И я ей поверила.

— Это неправда.

— Для меня правда. — Она сказала это ровно, как про погоду. — С тобой мне спокойно. Безопасно. А для меня это не любовь. Любовь должна жечь.

— Ты ошибаешься.

— Нет. Просто ты из другого места. Где не делают больно тем, кого любят. А я не умею там жить.

Она встала со скамейки.

— Прости. Я не хотела тебя обидеть. Лучше уж честно.

— Она ушла и оставила меня под фонариками, — сказал Джеймс. — Оркестр играл дальше. Я сидел там, пока фонарики не сняли. В ту ночь я решил, что хорошим я её не получу. Надо было стать другим. Жёстче. Таким, как те парни, которых она считала стоящими.

Август 1971

Через три недели Джеймс увидел Бетти с Томми Краузе возле школы. Томми был на два года старше, гонял на мотоцикле, и каждая мать в Сазерлине велела дочери держаться от него подальше.

Джеймс смотрел из-за угла, как Томми прижимает Бетти к стене, как его руки скользят по её телу, а она запрокидывает голову.

Глаза у неё горели так, как он ни разу не сумел их зажечь.

— Видишь? — сказал кто-то у него за спиной.

Это был Рэнди. Он покачивался, но глаза у него были странно трезвые.

— Видишь, кого она выбрала? Плохого парня. Они все такие.

— Заткнись, — процедил Джеймс.

— Всё ещё веришь в сказки про принцев и принцесс? — ухмыльнулся Рэнди. — Бедняга. Женщинам не нужны принцы. Им нужны короли. А короли берут, что хотят.

— Ты ничего не понимаешь в любви.

— А ты понимаешь? — Рэнди кивнул на Бетти и Томми. — Посмотри на неё. Ты хоть раз видел, чтобы она так светилась с тобой?

Руки у Джеймса сжались в кулаки.

— Дам тебе совет, парень. — Рэнди подошёл ближе, и Джеймс почуял пиво. — Хватит быть хорошим. Они это ненавидят. Они не хотят, чтобы их любили. Они хотят, чтобы их брали.

— Я не такой, как ты.

— Пока не такой. — Рэнди осклабился. — Вот увидишь её с десятым Томми Краузе. Вот поймёшь, чего стоит твоя доброта. Тогда меня и вспомнишь.

— И он оказался прав, — вздохнул Джеймс. — Рэнди оказался чертовски прав.

Когда подошла официантка, он заказал ещё виски.

— Томми продержался два месяца. Потом был Майкл. Потом Дэнни. Потом целая очередь, и каждый раз одно и то же. Они её обхаживали, потом делали ей больно, потом бросали. А я ждал. Каждый раз думал: ну вот, теперь она увидит. Теперь выберет меня. Ни разу.

— Ни разу?

— После каждого она приходила ко мне и плакала у меня на плече, рассказывала, что он ей сделал. Я её обнимал и думал: в этот раз. А как только она переставала плакать, она находила нового Томми.

Он посмотрел на руки.

— Семь лет, Стэнли. Семь лет я был её лучшим другом, её психотерапевтом, её жилеткой. Всем, кроме того, кого она любит.

В голосе у него появилось что-то, что мне не понравилось.

— И я решил, что Рэнди прав. Добротой её не возьмёшь. Если я хочу Бетти, мне надо стать тем, кого она сможет полюбить.

— И кем же?

Джеймс поднял глаза.

— Тем, кого она будет бояться.

ЧАСТЬ II
ЮНОСТЬ

«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем».
— Фридрих Ницше

ГЛАВА 5
НОВАЯ ЖИЗНЬ

Июнь 1978

Джеймс заклеил скотчем последнюю коробку и оглядел пустую комнату общежития. Четыре года пролетели быстро: диплом инженера, неплохие оценки, несколько девушек, с которыми ничего не вышло, нормальная жизнь нормального молодого человека — и ни одного дня, когда Бетти не сидела бы у него в голове.

Одна девушка продержалась дольше других. Лора Пратт, с курса по строительной механике. Она смеялась над его шутками, ждала его под дождём у библиотеки, целую неделю сидела с ним, когда он слёг с гриппом на третьем курсе. Они были вместе четырнадцать месяцев. Он расстался с ней весной на последнем курсе, на лестнице её общежития. Она спросила, что она сделала не так. «Ничего», — ответил он, и это была правда.

— Хорошая была девушка. — Джеймс почти улыбнулся. — В этом-то и была вся беда. Смешно, правда? Каждые выходные я ездил домой, к родителям. Так я им говорил. А ездил я к ней. Смотрел в основном с другой стороны улицы.

Она окончила школу, пошла работать в закусочную и меняла парней, как другие девушки меняют причёски. Всегда одно и то же. Бурное начало, несколько хороших недель, первая ссора, следующая, конец.

— Мне было двадцать три. Я решил, что пора что-то делать.

Накануне отъезда из колледжа он ей позвонил.

— Я возвращаюсь домой.

— Насовсем?

— Насовсем. Нашёл работу в Розберге. Буду проектировать мосты.

— Это же пятнадцать минут от нас!

— Сниму там квартиру.

Она помолчала.

— А зачем ты возвращаешься, Джеймс? У тебя был Нью-Йорк. Та фирма предлагала хорошие деньги.

Он крепче сжал трубку. Не мог же он ей сказать, что четыре года вдали только доказали: без неё он не может. Что с каждой девушкой он ловил себя на том, что ищет её лицо.

— Хочу быть поближе к дому, — соврал он. — К родителям. К старым друзьям.

— Ну-ну. — Он слышал, что она улыбается. — Что ж, добро пожаловать обратно в глушь.

Декабрь 1978

В квартире в Розберге были кровать, стол, два стула и чертёжная доска. На стенах ничего. Квартиру он выбрал ради одного: большого окна на дорогу, которая шла на север, к Сазерлину.

Работа у него получалась. Мосты требуют точности, терпения и чувства нагрузок, и оказалось, что у него есть и то, и другое, и третье.

— Руки у тебя золотые, Харрисон, — говорил начальник. — И голова светлая. Далеко пойдёшь.

По вечерам он ездил в Сазерлин — не к родителям, а к дому напротив того, где вырос, — ставил машину под старыми деревьями и смотрел.

Бетти теперь работала в двух местах: днём в закусочной, вечерами в «Серебряной шпоре». Джеймс знал её расписание до минуты: когда приходит, когда уходит, с кем разговаривает.

— Её новый парень был Дейв Крамер. Широкие плечи, пивное брюхо, ручищи как окорока. Работал на лесопилке, пил каждый вечер и считал женщину своей вещью.

Джеймс ненавидел его тихо и старательно.

Они встретились выпить кофе в кафе в центре.

— Как работа? — спросила Бетти.

— Хорошо. А у тебя?

— Как всегда. Официантка — не бог весть какая карьера, но что поделаешь. — Она пожала плечами. — Дейв не против. Говорит, женщина должна приносить деньги в дом.

— Щедро с его стороны.

Она посмотрела на него.

— Он тебе не нравится.

— Мне не нравится, кого ты выбираешь.

— Джеймс…

— Нет, дай я скажу. — Он наклонился через стол. — Шестнадцать лет, Бетти. Я знаю тебя с семи лет. И за шестнадцать лет ты ни разу не выбрала мужчину, который был бы тебя достоин.

— А кто меня достоин? — тихо спросила она.

Он посмотрел ей в глаза.

— Тот, кто любит тебя не только за то, как ты выглядишь и как слушаешься. Тот, кто видит в тебе человека, а не игрушку. Тот, кто хочет, чтобы ты стала больше, чем ты есть, а не меньше.

— Похоже на автопортрет, — улыбнулась Бетти.

— Может быть.

— Джеймс, мы это уже обсуждали.

— Знаю. Но, может, пора обсудить ещё раз. Мы уже не дети.

Она долго молчала и вертела чашку в руках.

— Дейв предложил мне переехать к нему.

Джеймс поставил чашку.

— И?

— И я согласилась. Переезжаю на следующей неделе.

— Поздравляю.

— Ты злишься.

— Я не злюсь. Я разочарован.

— Джеймс, мне нужно что-то надёжное. Дейв не богатый, но он рядом. Он хочет семью. Детей.

— А любовь?

— Любовь — это роскошь, которую я не могу себе позволить.

— Значит, ты сдаёшься.

— Я выбираю жизнь, а не сказки.

Он встал.

— Тогда удачи, Бетти. Надеюсь, жизнь обойдётся с тобой лучше, чем сказки.

* * *

В ту ночь он сидел в квартире и смотрел в окно на дорогу на север. *Любовь — это роскошь.*

— Чушь собачья, — выругался он вслух.

Если ей нужна надёжность, как у Дейва, он покажет ей, какая надёжность бывает на самом деле. Что значит, когда о тебе кто-то заботится.

Он достал блокнот и начал составлять план. Узнать о Дейве всё: привычки, слабые места. Быть рядом, когда у них начнёт трещать. Стать лучшим выбором.

— Просто, — сказал мне Джеймс. — Как мост. Посчитать, учесть каждую нагрузку.

Подошёл Рэй и забрал пустые стаканы. Джеймс подождал, пока он отойдёт.

— Я ещё не знал, что хуже всего мосты, которые стоят на гнилом основании. Мой стоял.

Пальцем он нарисовал мост в мокром круге, который оставил на столе его стакан. Потом стёр его ребром ладони.

ПИСЬМО I

Сазерлин, Орегон. 9 декабря 1978 г.

Мама,

пишу в закусочной в перерыв, так что извини за жирные пятна. Идёт дождь. Ну ты знаешь, ты же тут живёшь.

Большая новость: я переехала. Дейв живёт за железной дорогой. Это трейлер, но хороший, двойной, с настоящей плитой. Говорит, как обживёмся, пристроит крыльцо. Он на лесопилке, и там поговаривают, что переведут его в ночную смену, а это больше денег. Я по вечерам всё там же, в «Шпоре». Чаевые перед Рождеством никудышные. Все копят, чтобы быть щедрыми с кем-нибудь другим.

Я не зашла, и ты знаешь почему. Не переживай. И ему не говори, где я, хотя он и не спросит.

Бензин шестьдесят семь центов. Представляешь.

Пиши мне в закусочную. Дарлин сохранит.

Целую, Бетти

P.S. Джеймс Харрисон вернулся из колледжа, слышала? Он теперь строит мосты, в Розберге. Сказал, что я выбираю не тех мужчин. Я сказала, что это похоже на автопортрет. Он не засмеялся. Раньше он смеялся над всем, что я говорю.

ГЛАВА 6
ПЯТЬСОТ

Весна 1979

Бетти жила в трейлере у Дейва ещё с Рождества. Джеймс точно знал, где он стоит: в километре от железной дороги, за лесными складами. Хорошее место для того, кто уже ничего не хочет.

Каждый вечер после работы он ехал туда, ставил машину за пустым складом и смотрел.

— Сначала я говорил себе, что просто приглядываю за ней. Проверяю, хорошо ли он с ней обращается.

Потом это стало привычкой. Потом он уже не мог остановиться.

Он завёл новую тетрадь. Подробнее той, что вёл в школе.

15 марта 1979

19:30. Дейв с работы. Упаковка пива (12 банок) из машины.

19:45. Б. у двери. Короткий поцелуй. Ничего.

20:15. Телевизор. Футбол.

21:30. Крик. Деньги.

22:00. Тихо. Помирились — или она уступила.

22 марта 1979

Д. опоздал на два часа. Духи на рубашке, не её (видел, как Б. принюхалась). Первая трещина.

3 апреля 1979

Синяк на запястье у Б. Круглый. Пальцы.

— Я записывал всё. Как в лабораторном журнале. Что сделал он, что потом сделала она, в котором часу.

Дейв был простой, и угадать его было легко. Работа, пиво, телевизор, постель, сон. Ничего никогда не менялось. Это было ровно то, что Бетти называла надёжностью, и Джеймс видел, как эта надёжность понемногу её убивает.

Май 1979

— Джеймс! Вот так встреча!

Он столкнулся с ней у кассы в супермаркете. Вид у неё был усталый. Круги под глазами, опущенные плечи. Она была всё так же красива. Просто красота на ней потускнела, как тускнеет хорошее пальто.

— Привет. Как дела?

— Хорошо. — Это вышло само собой. — А у тебя?

— Работаю. Строю мосты.

— Романтика.

— Иногда.

Они вышли вместе. Бетти села в старый пикап Дейва, Джеймс — в свою новую машину.

— Хорошая машина.

— Спасибо. Работа неплохо платит.

— Наверное, приятно заниматься тем, что любишь. — Она сказала это так, будто смотрела на что-то в витрине.

— Ты всё ещё в закусочной?

— И в баре по вечерам. — Она пожала плечами. — Дейв говорит, зачем тратить время на учёбу, когда можно уже зарабатывать.

— А ты что думаешь?

— Думаю, что мечты — для тех, кому они по карману.

Почти то же самое она сказала в кафе в декабре, только теперь в её голосе не было уверенности, одна усталость.

— Бетти…

— Мне пора. — Она завела мотор. — Дейв не любит, когда я опаздываю.

— Я смотрел, как она уезжает, и злился так, что в глазах темнело, — сказал Джеймс. — Не на неё. На всё это. Умная девчонка, яркая девчонка, хоронит всё, что у неё есть, ради какого-то увальня с упаковкой пива — и называет это надёжностью.

В тот вечер он просидел у склада дольше обычного. Дейв пришёл поздно, пьяный и злой. Сквозь шторы, которые не задёргивались до конца, Джеймс видел, как он размахивает руками и орёт.

Потом он услышал пощёчину.

— Я держался за ручку двери. Долго так сидел. И остался в машине. Хоть этому я научился на её прежних парнях. Влезешь раньше времени — она только оттолкнёт. Надо было ждать, пока она сама поймёт, что ей нужна помощь. Пока сама не попросит.

Июль 1979

Телефон зазвонил в два часа ночи. Он снял трубку после второго звонка.

— Джеймс? — Голос у неё дрожал.

— Что случилось?

— Ты можешь… можешь приехать? Мне нужна помощь.

— Где ты?

— Дома. У Дейва, то есть. Он ушёл в бар. Он вернётся.

— Еду.

Он оделся за две минуты и поехал через город на все красные. Она позвонила ему. Наконец-то она позвонила ему.

В трейлере было темно. Он постучал.

— Это я.

Она открыла дверь в халате, волосы растрёпаны. На левой щеке проступал свежий синяк.

— Господи, что он с тобой сделал?

— Неважно. — Она отступила, чтобы его пропустить. — Джеймс, мне нужны деньги. Немного. Только чтобы уехать.

— Куда?

— Не знаю. Куда-нибудь. У мамы есть сестра в Чикаго. У меня даже адреса её нет.

Джеймс оглядел трейлер. Разбитая мебель, пустые банки, запах сигарет и чего-то протухшего. Она отдала всё ради вот этого.

— Сколько?

— Двести. На автобус и на первые дни.

Он достал бумажник и отсчитал. Пятьсот, а не двести.

— Это слишком много.

— Бери. И не возвращайся к нему.

Руки у неё дрожали, когда она взяла деньги.

— Я отдам. Как только где-нибудь устроюсь.

— Не надо.

— Надо. — Глаза у неё были полны слёз. — Ты меня всегда выручаешь. А я даже спасибо нормально сказать не умею.

— Мне не нужно спасибо.

— А что тебе нужно?

Он смотрел на её лицо. Красивое и с синяком. Гордое, даже сейчас.

— Чтобы ты была счастлива.

— А если я не умею?

— Научишься.

Она подошла вплотную, так близко, что он чувствовал её тепло.

— Джеймс… а что, если я останусь? Не здесь. Сниму квартиру. Найду нормальную работу.

— Было бы здорово.

— Но мне понадобится помощь.

— Ты знаешь, что я рядом.

— Знаю. — Она коснулась его щеки. — Ты всегда рядом. Ты всегда обо мне заботишься. Ты как мой ангел-хранитель… ты лучший мужчина на свете.

— Бетти…

— Тш-ш. — Она приложила палец к его губам. — Ничего не говори.

Она поцеловала его. Мягко, и вложила в поцелуй всё своё спасибо.

Он целовал других девушек. Он целовал Лору четырнадцать месяцев. Ничего из этого не считалось.

— Дейв вот-вот вернётся, — прошептала она. — Тебе лучше уйти.

— А ты?

— Соберусь и уеду утром. Обещаю.

— Я ехал домой как на крыльях, — сказал Джеймс. — Столько лет. И она выбрала меня.

Дверь распахнулась, и несколько завсегдатаев с лесопилки шумно ввалились и сразу пошли к стойке. Рэй налил им пиво раньше, чем они сели.

— Через три дня она вернулась к нему. Мои деньги потратила на новое платье, чтобы помириться. А поцелуй был не любовью. Это была плата, ничего другого у неё не было. Я узнал через неделю, опять в супермаркете. Дейв держал её за талию, как держат вещь, которая тебе принадлежит. Бетти улыбалась. Синяк даже не сошёл. Я стоял в соседнем ряду, у консервов. Всё, что во мне ещё верило в честную игру, умерло там же, возле персиков. А на его место пришло что-то другое. Холоднее. И лучше считало. В ту ночь я сжёг тетрадь. А на следующий день завёл новую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.